
НОВАЯ ВОЛНА ТЕРРОРИЗМА: ЧТО ПРИНЕС XXI ВЕК¹

Т.Э. Алиев

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

А.А. Куделин

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухто-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются изменения феномена терроризма в начале XXI в., делаются выводы о влиянии религиозного фундаментализма на рост террористической активности и о взаимном влиянии деятельности террористических организаций и мировой геополитической ситуации.

Ключевые слова: международный терроризм, волновая теория Рапопорта, религиозный фундаментализм, теракт 11 сентября 2011 г.

В наши дни вопрос национальной безопасности является одним из наиболее актуальных для большинства государств. Этот вопрос включает в себя в первую очередь слаженную стратегию по противодействию международному терроризму. Для эффективной работы в этом направлении требуется единый механизм международного сотрудничества и понимание закономерностей развития террористической активности.

Одной из первых и наиболее значительных работ в направлении изучения террористической активности является волновая теория Рапопорта. Изучая историю терроризма с 80-х гг. XIX в., профессор Калифорнийского университета Д. Рапопорт [13] в своей теории выделяет четыре различные волны террористической активности. В ходе каждой из них подпитывался общий идеологический посыл, исходящий соответственно, из анархизма, антиколониализма, социализма и религиозного фундаментализма. Каждая из пре-

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для молодых ученых (проект МК-2418.2014.6 Терроризм как религиозно-политическое явление в исламском мире. Идеологические вызовы и альтернативы).

дыдущих трех волн продолжалась примерно по 40 лет. Четыре волны международного терроризма, по мнению Рапопорта, имеют по три характеристики цикла деятельности:

- а) цикл деятельности характеризуется расширением и сокращением фазы,
- б) охватывает несколько стран,
- в) обусловлены общим преобладанием политической энергии, которая формирует общую идентичность групп террористов и отношений внутри этих сообществ.

Затрагивая современную волну терроризма, Рапопорт выявляет исторические и культурные факторы, которые ее обусловили. Согласно его точке зрения, иранская революция 1979 г., приход исламистов к власти и афганская война открыли путь для нынешней волны террористической активности. Эти революционные преобразования дали огромный толчок многим мусульманским радикалам к тому, чтобы изгнать кафи́ров («неверных», то есть немусульман) и муртадов (вероотступников, отрекшихся от ислама и перешедших в другие религии либо в другие формы неверия) [1], закрепиться у власти и заручиться среди населения определенным уровнем поддержки.

В свою очередь, война в Афганистане продемонстрировала победу моджахедов над советской армией. Ведя речь о вкладе в победу религиозного фактора, зарубежные исследователи зачастую полностью игнорируют роль, которую сыграла военная помощь США и Пакистана.

В то же время не все исследователи данной проблематики делают акцент на культурных и исторических событиях, на которые ссылается Рапопорт. Изучая факторы, влияющие на современную волну терроризма, они сосредотачиваются на социальных, экономических и политических переменных. Согласно их мнению, такие факторы структурного дисбаланса, как бедность, безработица и неравенство доходов, также послужили не только распространению экстремизма, но и череде революций в странах Ближнего Востока, сейчас известной как «арабская весна».

Одной из главных отличительных черт четвертой, современной волны терроризма является возросшая радикализация общества. Под радикализацией в данном случае имеется в виду процесс, во время которого определенные индивиды или группы выражают свою конкретную позицию, чтобы затем получить определенный уровень поддержки в обществе и участвовать в использовании насилия для достижения своих целей. Некоторые авторы, такие, как российский политолог Игорь Селезнев, используют терминологию «сильной радикализации» [5], чтобы подчеркнуть получаемые высокие результаты политического насилия и тем самым отличить описываемый процесс от ненасильственных форм «радикальных» политических взглядов.

Следует отметить, что сильная радикализация общества по своей сути близка к экстремизму, а экстремизм, в свою очередь, близок к политическим идеологиям, ориентированным против основных ценностей общества и принципов демократии. С точки зрения либеральных ценностей такое определение

применимо к любой идеологии, которая защищает расовое или религиозное превосходство и выступает против основных принципов демократии и универсальных прав человека. Термин может также использоваться, чтобы описать методы, через которые политические акторы пытаются достигать заявленных целей.

Кроме того, особенностью современной волны терроризма на глобальном уровне стало усиление раскола между мусульманами и христианами. Таким образом, можно сделать вывод, что одной из причин всплеска глобального терроризма является указанный раскол и провал политики интеграции трудовых мигрантов в общества принимающих стран. Глобальная война с террором зачастую принимает облик пропаганды, а не механизма для предотвращения терактов. Кроме того, во многих странах с большим количеством мигрантов местные жители являются заложниками образов «враждебных других», полученных через средства массовой информации. Такой механизм сейчас с успехом применяется на территории Украины, где через средства массовой информации доносится образ России как главного врага украинской нации.

Необходимо отметить, что каждая новая волна террористической активности несет в себе большой риск совершения терактов. Подтверждением тому может служить достаточно наглядная статистика, согласно которой за последние десять лет перед современной террористической волной по всему миру различными террористическими организациями было совершено, по крайней мере, 3 810 террористических взрывов. Число убитых и раненых вследствие террористических актов в различных странах выросло с 317 человек в 1991 г. до 4 655 человек в 2001 г. В 2002 г. в мире было совершено 198 террористических актов, в 2003 г. – 190. При этом в 2002 г. в результате терактов погибли 752 человека и 2 013 были ранены. В 2003 г. аналогичные показатели составляли, соответственно, 307 и 1 593 человека [3].

Помимо приведенной выше количественной статистики появление качественно новой волны терроризма отмечается и на теоретическом уровне. Интересно, что множество политологов, аналитиков и политических деятелей убеждены, что начиная с середины 90-х гг. XIX в. терроризм качественно изменился.

Некоторые авторы для наименования современной волны террористической активности используют словосочетание «новый терроризм», утверждая, что террористы теперь используют транснациональный принцип действия, ориентируются на действия в социальных сетях. Кроме того, активисты террористических организаций в значительной степени мотивируются религиозным экстремизмом, стремятся к массовым жертвам и пытаются получить доступ к оружию массового поражения [8].

Таким образом, качественное изменение привело к вовлечению в террористическую деятельность новых акторов, мотивации, тактику, цели и действия по сравнению с предыдущей волной терроризма, наблюдавшейся с сере-

дины двадцатого столетия. Важнейшей вехой также стал теракт 11 сентября 2001 г., когда новая волна повлекла за собой глобальную войну с терроризмом, которую провозгласили и возглавили США.

Исследователи выделяют особенности, отличающие современный терроризм от более ранних его проявлений:

- в условиях глобализации терроризм становится угрозой международной стабильности;
- этот феномен более не вмещается в рамки внутригосударственного конфликта;
- происходит связь терроризма с криминальными структурами;
- более широко представлена взаимосвязь терроризма и СМИ [4];
- получает распространение модель террористической деятельности, в рамках которой группы активистов, лично неизвестных друг другу, но имеющих общую повестку дня, спонтанно совершают акты насилия против общего врага (контакт происходит через социальные сети в первую очередь).

Несмотря на массу отличий и новшеств, необходимо признать, что фундаментальные процессы принятия решений, связанных с организационными действиями, остались неизменными. То есть террористическая идентичность содержит рациональных организаторов (составляющих основную структуру), которые принимают рациональные решения с целью достижения желательных результатов.

Например, согласно мнению итальянского социолога А. Пиззорно, главным механизмом мобилизации является конструирование коллективной идентичности, которое представляет собой длительный процесс [12]. Под коллективной идентичностью Пиззорно подразумевает самоопределение конкретной группы людей, которое вытекает из общих интересов, опытов и солидарности. В контексте экстремизма формирование коллективной идентичности предполагает борьбу за культурное признание. Такая теория выглядит весьма правдоподобной, ведь если взять исламских экстремистов, то чаще всего они ратуют именно за очищение религии и общества, которые были «загрязнены» в ходе процессов глобализации.

В своих исследованиях политолог Д. Хоффман утверждает, что когда люди становятся участниками разного рода диссидентских организаций и принимают участие в коллективном насилии, то с их точки зрения они действуют, в большей степени руководствуясь интересами общества, а не личными мотивами. Таким образом, в собственном восприятии террористы воспринимают себя как альтруистов, что является одним из фундаментальных отличий терроризма от преступности [7].

Что же касается борьбы с современной формой терроризма, то необходимо признать, что во многих государствах центр антитеррористической деятельности ориентирован на абстракции, основанные на предыдущих опытах нападения. Однако в наши дни необходимо изыскивать методы противодействия на возможные варианты действий террористов, снижая эффективность

их политической линии. В особенности это касается анализа функционирования социальных сетей, которые активно используются террористами для кооперации и пропаганды.

Одним из важнейших факторов, влияющих на распространение терроризма, является простота идейного посыла. Хорошим примером могут служить видеобращения Бен Ладена или современные послания от боевиков ИГИЛ. Содержание этих посланий предельно ясно: ислам находится под угрозой из-за политики Запада, евреев и их пособников в мусульманском мире, а религиозный долг каждого мусульманина – присоединиться к джихаду против тех, кто представляет опасность для последователей Пророка.

Из нескольких тысяч зарегистрированных во всем мире террористических групп только несколько сотен хорошо описаны и их деятельность относительно изучена [10. Р. 341–342]. При этом наблюдается очевидная недостаточность исследований, посвященных анализу существующих практик создания и функционирования виртуальных сетевых сообществ сторонников террористической деятельности, хотя через понимание механизмов воспроизводства идеологии терроризма можно выйти и на выработку комплекса мер по профилактике соответствующих угроз обществу.

Таким образом, проблема истоков волн террористической активности достаточно сложна в методологическом отношении, и ее восприятие во многом зависит от господствующего в стране дискурса повестки дня. Хотя «волновая» теория терроризма получила широкое распространение в академических кругах [14], тем не менее, не так много исследовательских усилий было направлено на изучение причин соответствующих политических действий, а также связанных с ними политических процессов.

Нелинейная динамика общественного развития и быстрые процессы глобализации привели к появлению современного терроризма, представляющего собой принципиально новый феномен. Эти факторы стали причиной культурных разрывов, вследствие чего многие из реалий настоящего периода не имеют корней в прошлом. Современный терроризм не является исключением. Сегодня это принципиально новое, не имеющее аналогов в прошлом явление, характеризующееся особенностями, обусловленными характером современной эпохи. Терроризм после 11 сентября 2001 г. не формально отличается от проявлений, существовавших в 60-е гг. XIX в. или тем более в конце XIX в., а представляет собой феномен иного порядка.

Вместе с тем терроризм – это международная криминальная сила, технологически хорошо оснащенная, ставящая политические цели и выступающая в роли политического актора. Ее действия направлены против своего или чужого государства не напрямую, а в форме атак на гражданское население. Комбинация социального протеста, культурного конфликта и психологической ярости увеличивает число угроз в мире и уподобляет их непредсказуемым природным катаклизмам.

О новом терроризме заговорили еще до терактов 11 сентября, например американский политолог Уолтер Лакер еще до трагических событий в США опубликовал книгу, в которой упомянул технологически более оснащенный терроризм, а, следовательно, более разрушительный, чем раньше [11].

Директор службы безопасности Израиля «ШАБАК» Юваль Дискин в октябре 2010 г. заявил, что современные интернет-технологии могут стать для исламских экстремистов более удобным способом сбора разведанных, чем традиционный шпионаж. По мнению Дискина, наибольшую опасность представляют онлайн-видеосистемы, которые позволяют наблюдать за разными уголками мира. Такие системы, как, например, Google Earth, дают возможность получения точных данных о выбранной местности в режиме реального времени [9].

Заслуживает упоминания основательная статья эксперта по терроризму из США Марты Креншоу, посвященная опровержению идеи качественно отличного «нового» терроризма, возникшего на рубеже XX–XXI в. Волновая теория во многом созвучна этим утверждениям, но Креншоу лишь вскользь упомянула о ней, заметив к тому же, что Рапопорт не настаивает на «качественной особенности» последней, религиозной, волны терроризма (что не согласуется с утверждениями самого автора волновой теории, для которого каждую из волн отличает особый набор идеологических, тактических и прочих особенностей).

Кроме того, Креншоу утверждает, что террористические акты являются результатом экспансии гражданской войны на международную систему. По ее мнению, причиной растущей антиамериканской террористической активности является роль, которую играют США на международной арене. Терроризм в той форме, в которой он проявился 11 сентября 2001 г., с ее точки зрения представляет собой «стратегическую реакцию на американскую мощь в контексте гражданской войны» [6].

В таком случае проецирование внутреннего гражданского конфликта на международный уровень в виде терроризма может стать постоянной проблемой для всего мирового сообщества. Те острые конфликты, которые ранее носили региональный характер и происходили в границах непосредственно к ним относящихся территорий или регионов и напрямую направленные против своих собственных или прилегающих государств, начинают интернационализироваться. Если внутригосударственные проблемы превращаются в угрозы для мировой системы, то последняя и должна принимать значительно более активное участие в решении этих проблем, которые ранее относились исключительно к сфере суверенитета государства. Все это требует беспрецедентной координации усилий государств на международной арене.

Кроме того, Креншоу отмечает особенно острую угрозу, стоящую перед правительством США и перед всем миром, исходящую от группировки «Ис-

ламское государство». В первую очередь эксперт подчеркивает, что исламисты, объявившие о создании на захваченных территориях исламского халифата, получили плацдарм для планирования и организации терактов, направленных против США и их союзников. Нельзя также не отметить то, что укрепление позиций ИГ кардинально меняет расклад сил в Сирии.

Второй фактор заключается в том, что в рядах «Исламского государства» воюет множество иностранных граждан, которые после получения боевого опыта и надлежащей подготовки могут вернуться домой и совершить теракт. Креншоу отмечает некую иронию в том, что США оказались в союзе с Ираном против джихадистов ИГ, в то же время одобряя борьбу последних с правящим режимом в Сирии [2].

Подводя итог, следует сказать, что на глобальном уровне террористическая активность развивается волнами. Современная волна «нового» терроризма, начавшаяся после 11 сентября 2001 г., обнажила очевидный недостаток как правовых, так и военных инструментов разрешения локальных конфликтов и заставила многие государства сосредоточиться на опасности глобального терроризма для общественного развития и их собственных потенциалах безопасности. Теракты 11 сентября 2001 г. неузнаваемо изменили мир, и по истечении десяти лет уже почти не осталось надежд, что негативные изменения удастся преодолеть.

СМИ активно включились в эти процессы, подготовив общество к вторжению США в Ирак и Афганистан и оправдав эти действия. Американская общественность была потрясена признанием, что территория страны и безопасность ее граждан уязвимы для терактов с катастрофическими последствиями. Аналогичные изменения общественного мнения произошли и в других странах.

Правящие элиты смогли воспользоваться ситуацией и стали использовать предлог войны с терроризмом для манипуляции общественным мнением в угоду собственным интересам. Новая эра в истории цивилизации началась с глобальной войны с террором, что привело даже в странах с демократическими режимами к узакониванию политических репрессий и военной интервенции в рамках «войны с терроризмом».

Новая волна террористической активности способствовала развитию так называемой «сетевой войны», в рамках которой государства как институциональные акторы сталкиваются с необходимостью давать ассиметричные ответы на угрозы небольших по численности групп. Сталкиваясь с вездесущими внутренними террористами и более традиционными внешними угрозами, государства стали развивать контртеррористические средства, которые могут быть с успехом применены и в большом межгосударственном конфликте, то есть «война с терроризмом» стала предлогом для нового витка гонки вооружений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Али-Заде А.* Исламский энциклопедический словарь. Ансар, 2007.
- [2] Боевики «Исламского государства» захватили военную базу в 80 км от Багдада // Newsru.com 11 июля 2014 г. URL: <http://www.newsru.com/arch/world/11jul2014/iraq.html>.
- [3] *Городецкий А.Е., Морукова А.А.* Институты экономической безопасности в системе противодействия современному терроризму // Современное российское общество. Проблемы безопасности, преступности, терроризма. Т. 1. М., 2006.
- [4] *Катрич Л.В.* Проблема терроризма в отечественной социологической мысли в 1960–1990 гг. // Объединенный научный журнал. М., 2009. № 5.
- [5] *Селезнев И.А.* К вопросу о видах современного терроризма // Российская Федерация в международных отношениях: Сборник научных статей / Под общ. ред. В.А. Михайлова, Л.О. Терновой. М., 2008.
- [6] *Crenshaw M.* The War on Terrorism: Is the US Winning? 02.10.2006.
- [7] *Hoffman B.* Is al Qaeda Still A Threat? // Foreign Affairs. 2008, May/June. P. 133–138.
- [8] *Hough M.* New Terrorism or New Perceptions? Some Observations Regarding Changing Views on Terror // Review for Southern Africa. 2005. Vol. 27. № 2. *Spencer A.* Questioning the Concept of “New Terrorism” // Peace and Conflict Development. 2006. № 8.
- [9] Internet 'gives militants access to top-level spy systems' // The Daily Telegraph, 2010. 01.11.
- [10] *Jongman A.J.* World Directory of Extremist, Terrorist and other Organizations Associated with Guerrilla Warfare, Political Violence, Protest, Organized Crime and Cyber-Crime / In: Alex P. Schmid (Ed.). The Routledge Handbook of Terrorism Research. London & New York, 2011.
- [11] *Laqueur W.* The New Terrorism. Fanaticism and the Arms of Mass Distraction. Oxford, 1999.
- [12] *Pizzorno A.* Some other kind of'otherness': A critique of rational choice theories // Development, democracy and the art of trespassing. Notre Dame, 1986.
- [13] *Rapoport D.* Four Waves of Terrorism / In Dipak K. Gupta (ed.) Terrorism and Homeland Security. Belmont, CA, 2005.
- [14] *Sageman M.* Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-first Century. Philadelphia, 2008.

REFERENCES

- [1] *Ali-Zade A.* Islamskij jenciklopedicheski slovar' [Encyclopedic Dictionary of Islam]. Ansar, 2007.
- [2] Boeviki "Islamskogo gosudarstva" zahvatili voennuju bazu v 80 km ot Bagdada [Militants of "Islamic state" took over a military base, 80 km from Baghdad] // Newsru.com 11 July 2014. URL: <http://www.newsru.com/arch/world/11jul2014/iraq.html>.
- [3] *Gorodeckij A.E., Morukova A.A.* Instituty jekonomicheskoj bezopasnosti v sisteme protivodejstvija sovremennomu terrorizmu [The institutions of economic security in the system of counteraction of modern terrorism] / In: Sovremennoe rossijskoe obshhestvo. Problemy bezopasnosti, prestupnosti, terrorizma. Vol. 1. M., 2007.
- [4] *Katrich L.V.* Problema terrorizma v otechestvennoj sociologicheskoj mysli v 1960–1990 gg. [The problem of terrorism in the Russian sociological thought in the 60–90th years of 20th century] / In: Obedinennyj nauchnyj zhurnal. M., 2009. № 5.

- [5] *Seleznev I.A.* К вопросу о видах современного терроризма [To a question about the kinds of modern terrorism] / In: Rossijskaja Federacija v mezhdunarodnyh otnoshenijah: Sbornik nauchnyh statej / Pod obshh. red. V.A. Mihajlova, L.O. Ternovoj. M., 2008.
- [6] *Crenshaw M.* The War on Terrorism: Is the US Winning? 02.10.2006.
- [7] *Hoffman B.* Is al Qaeda Still A Threat? // Foreign Affairs. 2008, May/June. P. 133–138.
- [8] *Hough M.* New Terrorism or New Perceptions? Some Observations Regarding Changing Views on Terror // Review for Southern Africa. 2005. Vol. 27. № 2. *Spencer A.* Questioning the Concept of “New Terrorism” // Peace and Conflict Development, 2006. № 8.
- [9] Internet 'gives militants access to top-level spy systems' // The Daily Telegraph, 2010. 01.11.
- [10] *Jongman A.J.* World Directory of Extremist, Terrorist and other Organizations Associated with Guerrilla Warfare, Political Violence, Protest, Organized Crime and Cyber-Crime / In: Alex P. Schmid (Ed.). The Routledge Handbook of Terrorism Research. London & New York, 2011.
- [11] *Laqueur W.* The New Terrorism. Fanaticism and the Arms of Mass Distraction. Oxford, 1999.
- [12] *Pizzorno A.* Some other kind of 'otherness': A critique of rational choice theories // Development, democracy and the art of trespassing. Notre Dame, 1986.
- [13] *Rapoport D.* Four Waves of Terrorism / In Dipak K. Gupta (ed.) Terrorism and Homeland Security. Belmont, CA, 2005.
- [14] *Sageman M.* Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-first Century. Philadelphia, 2008.

NEW WAVE OF TERRORISM. CASE OF XXI CENTURY

T.E. Aliev

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Prospekt Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

A.A. Kudelin

Department of World History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the changes in the phenomenon of terrorism at the beginning of the XXI century, draws conclusions about the influence of religious fundamentalism on the growth of terrorist activity and the mutual influence of the activities of terrorist organizations and the global geopolitical situation.

Key words: international terrorism, the wave theory of Rapoport, religious fundamentalism, terrorist attack September 11, 2011.